

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1. СТАТУС СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В СТРУКТУРЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (МЕЛЬНИКОВА И. В.)	5
1.1. Место политической философии в системе политических наук.....	5
1.2. Проблема предметного позиционирования современной политической философии: основные подходы	8
1.3. Анализ существующих точек зрения по вопросу соотношения политической философии, политической теории и политической науки.....	18
1.4. Проблемное поле политико-философских исследований: зарубежный и отечественный опыт	30
Литература	59
Вопросы для самоконтроля	62
ГЛАВА 2. НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В КАЧЕСТВЕ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПРОЦЕССОВ (КОНОВАЛОВ Д. А.)	63
2.1. Неоинституциональная теория: общая характеристика, этапы становления, основные направления	63
2.2. Рациональность в современной политике: интерпретация феномена в контексте теорий рационального и общественного выбора.....	84
2.3. Новая политическая экономия в исследовании современных политических институтов и процессов	105
2.4. Влияние неоинституционализма на современный политический анализ	124
Литература	143
Вопросы для самоконтроля	148
ГЛАВА 3. ПЕРВИЧНЫЕ ВЫБОРЫ (ПРАЙМЕРИЗ) В СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ (КЕФНЕР Н. В.).....	149
3.1. Понятие, функции и типологии первичных выборов (праймериз).....	150
3.2. Происхождение и развитие праймериз в мировой практике.....	163

3.3. Механизмы и проблемы нормативно-правового регулирования предвыборов в современных государствах.....	172
3.4. Современная практика первичных выборов: вопросы организации.....	178
Литература	184
Вопросы для самоконтроля	187
ГЛАВА 4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ И ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА (ПОПОВА Ю. В.)	188
4.1. Категория «политический режим»: проблема смыслового наполнения	188
4.2. Человек и государство, политическая власть и гражданин в истории западной политической мысли	200
4.3. Типологизация и инструменты измерения политических режимов	217
4.4. Трансформация и политическая модернизация режима	240
4.5. Российский политический режим сквозь призму типологий и индексов.....	264
Литература	279
Вопросы для самоконтроля	281
ГЛАВА 5. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ (ВЕТРЕНКО И. А.)	283
5.1. Технологии в политике: понятие, виды, природа.....	283
5.2. Профессия политичного консультанта (технолога) и ее роль в политических процессах.....	298
5.3. Игровые технологии и практики в современных политических процессах.....	320
Литература	341
Вопросы для самоконтроля	343

Глава 1. Статус современной политической философии в структуре научного знания (Мельникова И. В)

1.1. Место политической философии в системе политических наук

Любое научное знание включает три уровня: эмпирический, теоретический и философский. В науку может войти теория, описывающая эмпирическую действительность, но в знание в полном смысле она превращается лишь тогда, когда все ее понятия получают онтологическую и гносеологическую интерпретацию. Так, философские основания той или иной отрасли знания выступают в качестве оснований фундаментальных.

В этом ракурсе политическая философия выступает самостоятельной областью знания «с присущей ей критической функцией анализа политической и социальной действительности и с функцией конструктивной, созидательной, прогностической. От реализации этих функций зависит, будут ли практическая политика и ее теория отставать от событий или опережать и предугадывать их. Иначе говоря, полнота и богатство политико-философской мысли в обществе и эффективность политики, ее активность и динамизм — явления глубоко и органично связанные» [1].

Политическая философия — это одновременно часть и фундамент политического знания в целом. Так, эмпирически ориентированная политология (в узком смысле) отвечает, главным образом, на вопрос «как?»: на этом уровне осуществляется сбор фактологического материала, и предпринимаются дальнейшие описательно-аналитические действия. Политическая теория отвечает, по преимуществу, на вопрос «что?», реализуя не только анализ исторических и наличествующих в современной политической действительности фактов, но, прежде всего, — объясняя таковые. Политическая философия в предельном ракурсе отвечает на вопрос «зачем?» (вопрос о смыслах политических процессов и явлений), осуществляя свою генеральную интенцию в регистре не только рефлексивном, но и нормативном. Так, И. И. Кравченко поясняет, что «если мы обращаемся к какому-либо политическому объекту, то

существующие три уровня политического знания открывают специфический аспект исследования. Такое разделение труда определяется интересами, целями и возможностями исследователя. Так, например, проблема свободы предстает для политолога-теоретика комплексом конкретных свобод — слова, совести, собраний и др. Эмпирик-политолог будет исследовать, как эти свободы реализуются в тех или иных конкретных условиях. Философ же отнесется к свободе как к условию самого человеческого политического существования в самом общем и идеальном смысле» [1].

«Объемное, осмысленное и практически значимое знание о мире политического возникает... только в «дуге напряжения» между политической наукой и политической философией. Проблематичность нынешнего существования политической философии... в свете этого обуславливается той фрагментацией политического знания, которая ликвидирует эту «дугу напряжения» и создает видимость самодостаточности позитивного научного знания, поддерживаемую его рыночной востребованностью», — проясняет Б. Г. Капустин [2, с. 13]. Согласно логике рассуждений ряда авторитетных представителей российского научного сообщества, политическая наука выступает «целостным эпистемологическим комплексом, стрежнем которого является политическая философия, вокруг которого организуется эмпирический материал, группируются факты, определяется язык описания, формируются исследовательские стратегии политических процессов» [2]. Поэтому, в строгом смысле, о политической философии (в качестве системообразующей составляющей политического знания) можно говорить лишь после завершения процесса институализации политической науки как таковой. Институализация данной науки по историческим меркам началась и завершилась довольно недавно (во второй половине XIX столетия — середине XX века соответственно). Однако положение ее амбивалентно. С одной стороны, философский уровень знания, наряду с теоретическим («теории среднего уровня») и эмпирическим, наличествует в любой науке. И для науки политической роль такового по определению должна играть политическая философия. Но, с другой стороны, «политическая философия» — явление довольно новое, оформляющееся во второй половине XX столе-

тия, наряду с такими научными сегментами как «политическая транзитология», «политическая элитология», «политическая компаративистика». Говоря о таких новых отраслях научного знания мы, как правило, используем клише, фиксируя тем самым, что «это сравнительно новые дисциплины, хотя корни их уходят в седую древность». И действительно, несмотря на то, что политическая философия — это наука, оформившаяся во второй половине XX столетия, философская рефлексия о политике (философия политики) совечна человеческому существованию.

Итак, политическая философия — это наука и учебная дисциплина, возникшая на стыке политологии и философии, предметом которой является исследование фундаментальных оснований политики, ее методов и ценностей. Оформляется как наука во второй половине XX века, хотя основы заложены в философских системах древнего мира, античности, средневековья и Нового времени.

Подобно тому, как у философии как таковой две основные функции: мировоззренческая и методологическая, соответственно, и предметное поле политической философии характеризуют два основных измерения:

Мировоззренческое, в русле которого осуществляется не только интерпретация, но и оценка политической действительности, определяются ценностно-смысловые ориентиры развития той или иной политической общности, формируются стратегии политического мышления. В этом аспекте политическая философия выступает, по преимуществу, как знание не о сущем, а о должном. Например, Т. А. Алексеева отмечает, что «политическая теория часто включает как эмпирический, так и нормативный подходы, и ориентируется скорее на объяснение феноменов, нежели их оценку. Политическая философия, наоборот, прежде всего, связана именно с оценкой фактов и явлений, то есть, неотделима от ценностного измерения» [3, с. 28].

Методологическое, в русле которого осуществляется формирование и ревизия понятийно-категориального аппарата политической науки, конструирование исследовательских стратегий: методологии и сопутствующих ей методов политического анализа.

В зависимости от национальных особенностей и специфики культуры мышления превалирующим оказывается либо первое, либо второе измерение, в зависимости от решения вопроса о том, что есть философия, прежде всего, онтология или методология наук? Так, в истории мысли мы прослеживаем определенную оппозицию континентальной и аналитической стратегий мышления («континентальная» (континентальная Европа) и «аналитическая» (англо-саксонский мир) традиции философствования и культуры мышления). На данной оппозиции строится, например, концептуальное исследование известного российского политолога В. П. Макаренко [4].

1.2. Проблема предметного позиционирования современной политической философии: основные подходы

В зарубежной и отечественной литературе можно встретить самые различные определения политической философии. Назовем некоторые из них и осуществим попытку объединения ряда определений, различая способы интерпретации предметного поля политической философии. Самое общее определение, которое дается в справочных изданиях, обычно такое: политическая философия есть философское *размышление о политике — о ее сущности и фундаментальных проблемах* [5].

Британский политический философ Майкл Оукшотт метафорически указывает на глубинное, онтологическое измерение политико-философских вопросов: *«политическая философия есть рассмотрение отношений между политикой и вечностью»* [6].

Известный французский исследователь Поль Рикер видит в политической философии прежде *всего поиск смысла и сущности политических явлений* [7, с. 9–13].

Приведем пример еще одного развернутого определения: *«...как мышление о том, что есть, а не о том, чему должно быть, политическая философия более занята сущностью, или самую глубинной природой реальности, а не частными, наблюдаемыми ее проявлениями. Философ, не отказываясь, впрочем, от наблюдения и опыта, стремится для описания и объяснения политической реальности искать и находить рациональную*

взаимосвязь вещей. Этим он явственно отличается от ученого-эмпирика, ищущего основу для объяснения в научно верифицируемых гипотезах; философ может обнаруживать истину всюду, куда его ведут интуиция и размышления» [8, с. 84–86]. Обобщим приведенные выше определения, прибегая к семантическому анализу ключевых категорий, составляющих ядро данных дефиниций. «Сущность», «фундаментальные проблемы», «поиск смысла», «интерес к сущности, а не к частным проявлениям» — данные слова и словосочетания, встречающиеся в приведенных определениях, ориентируют на онтологический подход к интерпретации предмета политической философии, давно уже ставшего философской классикой, а также возрождаемого ныне в феноменологической и метафизической традициях мышления.

Приведем примеры определений, раскрывающих сущность политической философии в несколько ином ракурсе.

Так, современный британский политический философ индийского происхождения Бхику Парех подчеркивает: «поскольку для политики важны проблемы жизни людей в обществе, постольку *политическая философия не может обойтись без рекомендаций*. Тем не менее, то, как мы будем жить, зависит от того, кем мы являемся, какие перед нами открыты возможности, с какими трудностями нам приходится сталкиваться и т. п., поэтому здесь трудно принимать какие бы то ни было решения без предварительного терпеливого и скрупулезного теоретического осмысления наших традиций, характера, истории и социальной структуры» [9, с. 490].

Современный французский политический философ Николя Тезнер стремится максимально конкретизировать предмет этой отрасли знания, указывая на то, что «политическая философия в том смысле, в котором она претендует называться [именно] политической, является одновременно исследованием путей *конституирования политического пространства в рамках демократии* (в этом состоит ее тавтологический аспект) и политической мысли, существующей под покровительством государя, т. е. той самой мысли, которая очевидно является макиавеллистской, но также и спинозистской. Политикой в действительности является решение, направленное на создание, а затем и на сохранение политического пространства.

Осуществляя это, она не может постоянно рассчитывать на совершенную делиберативную демократию и должна учитывать страсти, ненависть и отказ от политической дискуссии. Задача политической философии состоит также в том, чтобы *определить линию поведения* перед лицом такого рода обстоятельств, которые она должна сначала понять для того, чтобы, в конце концов, постараться их избежать» [10, с. 12].

В толковом словаре «Политика», изданном в Оксфорде под редакцией Айна Маклина, мы читаем следующее: «Политическая философия (*political philosophy*) — систематическое, детальное изучение политических последствий предлагаемых решений философских дилемм (или неразрешимости этих дилемм). Самые известные работы по политической философии пытаются *представить эти последствия в фундаментальном космологическом, онтологическом и гносеологическом плане...* Политическая философия стремится одновременно осмыслить то, что мы делаем, и *предписать то, что следует делать*. Разные представления о природе философии ведут к различному пониманию ее отношения к политической деятельности... Вероятно, извечный вопрос политической философии состоит в том, имеет ли человечество свою природу и если да, то что из этого следует для политической организации... В то же время, пожалуй, столь же извечным является политический вопрос о законности правления...» [11, с. 463–464].

Приведем данные определения к общему знаменателю, прибегая к семантическому анализу ключевых категорий, составляющих ядро обозначенных выше дефиниций.

«Политическая философия не может обойтись без рекомендаций», «задача политической философии — определить линию поведения», «предписать то, что следует делать», «размышление не о сущем, а о должном», «разъяснение политических ценностей, определение того, что является желательным и моральным», «высказываться в предписывающем духе» — выделенные словосочетания, встречающиеся в представленных определениях, свидетельствуют о нормативной ориентации в трактовке предмета политической философии, объединяя представителей аксиологического подхода к интерпретации сущности политико-философских исследований.

Данные два подхода и по сей день доминируют в зарубежной политической философии. Альтернативу им составляют, занимающие пока еще маргинальное положение в науке, аналитический и постмодернистский подход.

«В качестве *аналитической философии политической философию занимают смыслы слов и понятий, логическая состоятельность аргументов, пути познания истины*, а также основания, на каких пропозиция может быть признана истинной или ложной» [8, с. 84–86]. Так, аналитический подход ориентирует на гносеологический и эпистемологический исследовательский ракурс. И, в этом смысле, он одинаково применим к различным областям научного знания. Применительно к политической философии, аналитическая политическая философия стала развиваться лишь в конце XX столетия [4, с. 376] как альтернатива ценностно-ориентированной, предписывающей, а не описывающей стратегии мышления. Однако, проект «аналитической политической философии» нам видится пока лишь обозначенным, но отнюдь не завершённым, по этой причине весьма затруднительно привести развернутые примеры дефиниций.

Что касается постмодернистского подхода, то его представители, например, Р. Рорти, выступают «не только против примата теоретического познания, но и вообще против традиционного различения теоретической и других форм мышления... Теоретическое мышление не только не обладает преимуществами перед другими способами познания истины, но нередко затрудняет поиски последней... Политической философии следует больше экспериментировать, исследовать — ей недостает диалогичности, открытости, иронии, осознания неоднозначности жизни, связи с интуитивным, а не теоретическим, мышлением, присутим писателям и художникам» [4, с. 484].

Как отмечает в своей статье В. А. Гуторов, «...освобождение политической философии от метафизики с мировоззренческой установкой на релятивизм, в практическом отношении привело к следующему:

1. Политическая философия чужда всяким эпистемологическим изысканиям.
2. Политическая философия свободна от морали.
3. Политическая философия должна принимать в расчет множественность мнений в качестве фундаментального факта человеческих мысли и деятельности.

Ригоризм подобных принципов, само формулирование которых имеет характер «установки на спор» с классической традицией, основан на так называемой презумпции реальности перед любыми теоретическими конструкциями. Принцип реальности, признание которого не зависит от любого типа рациональности в смысле правильности или, наоборот, неправильности той или иной концепции, является (до известной степени) развитием известной формулы Ницше, согласно которой любые интерпретации, подменяя факты, не дают достаточных гарантий от глупости или безумия; при столкновении с последними бесполезны и рассудочная аргументация, и сама философия, — ответом может быть только борьба. Бесполезно, например, приводить безумцам, глупцам (или своекорыстным олигархам) аргументы о преимуществах равенства и демократического строя. Последние необходимо защищать всеми доступными средствами на том только основании, что в демократическом обществе эти ценности разделяет большинство. При такой постановке вопроса современные философы обычно приходят к различным выводам. Например, Р. Рорти утверждал, что любые философские демарши при таких условиях вообще бесполезны. Другие философы, напротив, выдвигают методологическое правило, основанное на различии между провозглашением принципов политической философии в мире (демократическом в глобальном измерении) и необходимостью считаться с существованием мира, чуждого демократическим ценностям, в котором доминируют анархия и отказ от любой дискуссии. По их мнению, *summa divisio* состоит в том, что эту сторону нашего мира также необходимо включить в философский дискурс со всеми вытекающими из этого последствиями (Н. Тезнер) [12].

Можно объединить данные четыре подхода в парадигмы. Так, если для онтологического и аксиологического подходов общим знаменателем выступает метафизическая парадигма, то для аналитического и постмодернистского характерна ориентация на освобождение политической философии от метафизики. Причем, в силу неразвитости последних двух подходов, можно заключить, что «проект освобождения политической философии от метафизической составляющей» так и не был завершен.

Анализируя дефиниции зарубежных исследователей, мы выделили четыре основных подхода к интерпретации предмета политической философии: онтологический, аксиологический, аналитический и постмодернистский с последующим объединением их в две парадигмы: метафизическую и антиметафизическую. Подчеркнем, что данная типологизация не претендует на всеохватность и полноту. Приведем другой пример типологизации.

Бхику Парех выделяет, по несколько иному основанию, четыре современных понимания сущности политической философии:

1) традиция Джона Ролза, согласно которой «политическая философия есть одно из направлений моральной философии, а последняя по сути своей является нормативистской, и задача политической философии заключается не только в развитии общих принципов оценки социальных структур, но и в конструировании соответствующих институтов, процедур и практических политических программ». К этой традиции относятся также Б. Аккерман, Б. Бэрри и Ч. Бейтс;

2) классическая традиция, для которой политическая философия есть «прежде всего созерцательные и умозрительные изыскания, направленные на осмысление человеческого бытия в целом и современного мира в частности». А её цель состоит «в исследовании человеческой природы и ее трансформации в ходе исторического развития, рассмотрении сути переживаемого исторического периода, отличительных черт современного самосознания и т. д., а также в использовании результатов этих исследований для раскрытия как специфики современной политической жизни, так и спектра доступных нам возможностей». Из современных авторов к этой традиции можно отнести М. Оукшота, Х. Арендт, И. Бёрлина, Э. Вёглина, Ч. Тейлора, А. Макинтайра, У. Коннолли и др.

3) точка зрения, согласно которой «корни политической философии заложены в образе жизни конкретных групп, а потому она направлена главным образом на их самовыражение, а это с необходимостью придает ей характер дисциплины, описательной по ориентации и ограниченной по масштабам». Эти взгляды разделяет М. Уолцер;

4) постструктурализм и особенно постмодернизм выступают «не только против примата теоретического познания, но

и вообще против традиционного различения теоретической и других форм мышления... Теоретической мышление не только не обладает преимуществами перед другими способами познания истины, но нередко затрудняет поиски последней... Политической философии следует больше экспериментировать, исследовать — ей недостает диалогичности, открытости, иронии, осознания неоднозначности жизни, связи с интуитивным, а не теоретическим, мышлением, присущим писателям и художникам». К этому направлению относится Р. Рорти [9, с. 484–485].

Отечественная же исследовательская и учебная литература демонстрирует нам эпигонские (не являющиеся оригинальными, вторичные по отношению к западным) дефиниции с серьезным креном в сторону нормативного, аксиологического способа интерпретации предмета политической философии. Приведем в качестве иллюстрации несколько таких определений.

Определение Т. А. Алексеевой: «политическая философия — это система знаний, раскрывающая содержание, характер и формы политической деятельности, сущность власти, политического выбора и ориентаций... предмет политической философии *есть нормативная саморефлексия политики, дополненная обращением к «вечным» вопросам бытия человека*» [3, с. 23].

Определение М. М. Федоровой: «Что же касается политической философии, то она есть поиск ответов на вопросы, связанных с основами человеческого общежития и институтами, создаваемыми в рамках этого общежития. Что такое власть и почему одни люди господствуют над другими? *Что такое государство, какова его природа и его цель? Какое государство является справедливым и наилучшим? От чего зависит сила и могущество государства, с одной стороны, и мир и безопасность человека в лоне этого государства — с другой? Как связаны политика и благополучие каждого конкретного человека? И можно ли вообще построить идеальное общество и идеальное государство, где все люди будут счастливы...*» [13, с. 13].

Довольно лаконичным и одновременно емким выглядит определение В. П. Макаренко: «политическая философия — это *нормативное мышление* о социальных и политических институтах, которые требуются для политической деятельности» [4, с. 18].

Определение А. С. Панарина, в котором употребляется термин «философия политики» в качестве синонима политиче-

ской философии: «философия политики — наука о наиболее общих основаниях, границах и возможностях политики, о соотношении в ней объективного и субъективного, закономерного и случайного, сущего и должного, рационального и иррационального» [14, с. 226].

Определение И. А. Василенко: «предметом политической философии является исследование универсалий мира политического, относящихся к наиболее общим мировоззренческим, ценностным и методологическим основаниям политической теории. В центре политической философии находятся проблемы духовного измерения политики, ее высшего смысла и назначения. Именно политическая философия призвана сформировать общую картину мира политического, обозначить ее проблемные зоны, выделить наиболее острые противоречия политики. Во все времена политическая философия искала ответы на кардинальные вопросы современности. Почему человек стремится в сфере политики разрешать важнейшие проблемы человеческого существования? Что лежит в основе политической организации — Божественный разум, рациональное начало, естественное право или право сильного? Как укрепить государственную власть — гарантию порядка и согласия? Как подчинить власть требованиям общественного блага и человеческого благополучия?» [15, с. 16].

Что мы можем заключить из приведенных определений ведущих отечественных представителей политической философии? Во-первых, в них содержится очень сильная нормативная акцентуация в понимании предмета политической философии и, во-вторых, как уже было нами отмечено, практически все они носят вторичный характер по отношению к западным. Альтернативный и уникальный в своем роде подход к интерпретации предмета политической философии демонстрирует, пожалуй, лишь А. М. Пятигорский, представитель феноменологической традиции мышления в России.

Согласно А. М. Пятигорскому [16], предметом политической философии будет являться *мышление* о политике (условно: политическая рефлексия). В противном случае политика — это пустая абстракция без уже организовавшего политическое мышление минимально сознательного подхода. «Политику вы не вынете из кармана и не положите на стол»... Другой политики

нет, кроме политического мышления — твоего, моего, их, талантов, бездарностей, умных, дураков, кого угодно, но — *мышления*» [16, с. 9]. Поскольку философ — это философствующий «сначала над своим собственным мышлением и только потом — над тем, о чем он мыслит, и над другими мышлениями» [16, с. 8]. То есть единственный предмет философии — это мышление о предмете. После смерти А. М. Пятигорского феноменологическая традиция мышления, применительно к области политического, так и не нашла своих последователей, не смотря на мощнейший эвристический потенциал данного подхода, поскольку он создает условия возможности метапозиции в отношении политического, ориентирует на «чистое мышление», свободное от наивных идеологических установок, сквозь призму которых, мы, как правило, мыслим политику.

Таким образом, политическая философия «подобна интеллектуальному полю, где вступали в спор и диалог различные персонифицированные и коллективные воззрения на сущность и проблемы мира политического. В этой связи можно утверждать, что мировая политическая философия представляет собой динамичное полифоническое образование, в интеллектуальную композицию которого вплетены голоса множества мыслителей и исследователей» [5]. Однако, общий каркас, на который возможно нанизывать вариации смыслов, выглядит следующим образом: «political philosophy — область интеллектуальных изысканий, где дело имеют с идеями, относящимися к политике, особенно к политическим ценностям, к сущности политической действительности и к интеллектуальным предпосылкам политического анализа. В предмете и функциях политической философии выделяются несколько моментов. Во-первых, как нормативная теория, она ставит своей целью разъяснение политических ценностей, определение того, что является желательным и моральным. Представитель нормативной философии ощущает себя вправе свободно выносить моральные и этические суждения, высказываться в предписывающем духе о желательном положении дел и рекомендовать политические цели. Во-вторых, на сей раз уже как мышление о том, чему *должно быть*, а не о том, что *есть*, политическая философия более занята сущностью, или самую глубинной природой реальности, а не частными,

наблюдаемыми ее проявлениями. Философ, не отказываясь, впрочем, от наблюдения и опыта, стремится для описания и объяснения политической реальности искать и находить рациональную взаимосвязь вещей. Этим он явственно отличается от ученого-эмпирика, ищущего основу для объяснения в научно верифицируемых гипотезах; философ может обнаруживать истину всюду, куда его ведут интуиция и размышления. В-третьих, в качестве аналитической философии политическую философию занимают смыслы слов и понятий, логическая состоятельность аргументов, пути познания истины, а также основания, на которых пропозиция может быть признана истинной или ложной» [8, с. 86].

Итак, обобщая все вышесказанное, учитывая дискуссионный характер предметного поля политической философии, скажем, что политическая философия — отрасль знаний, изучающая политику как целое, ее природу, значение для человека, взаимоотношения между личностью, обществом и государственной властью и разрабатывающая идеалы и нормативные принципы политического устройства, а также общие критерии оценки политики. Она стремится ответить на вопросы, почему и зачем существуют те или иные политические явления и каковыми они должны быть.

Предмет политической философии можно разделить на три группы явлений. Во-первых, это политические ценности, критерии оценки реальной политики с точки зрения морали, интересов крупных общественных групп или всего человечества. В этой области исследований создаются нормативные теории, даются этические оценки политическим институтам и процессам, разрабатываются идеалы и цели, а также важнейшие пути их достижения.

Во-вторых, предметом политической философии являются предельные (наиболее глубинные) основания политики. В отличие от эмпирических наук, опирающихся на частные наблюдаемые факты и верифицируемые гипотезы, политико-философские знания основываются на теоретических изысканиях, обобщениях глобального исторического опыта, логических и металогических рассуждениях, хотя и не исключают анализ конкретных фактов.

В-третьих, политическая философия анализирует способы и средства познания политики, определяет смысл политических категорий, например таких из них, как власть, свобода, равенство, справедливость, государство, права человека, политическое поведение и т. д. Без опоры на такие категории, в конечном счете, невозможны и эмпирические политические исследования.

Итак, учитывая дискуссионный характер предметного поля политической философии, что подтверждает многообразие выделенных нами исследовательских подходов, скажем, тем не менее, что политическая философия призвана служить общей методологической базой политических исследований, определять смысл различных концепций, интерпретировать теории, выявлять универсальные принципы и закономерности во взаимоотношениях человека, общества и власти, устанавливать соотношение рационального и иррационального в политике, указывать на ее нравственные критерии и мотивационную основу, определять границы и принципы государственной власти и т. п. По этой причине политическая философия в системе политических наук, должна занять место отрасли фундаментальной, так как философские знания составляют ядро мировоззрения человека и политической культуры общества.

1.3. Анализ существующих точек зрения по вопросу соотношения политической философии, политической теории и политической науки

Политическая философия и политическая наука

Вопрос соотношения политической философии и политической науки остается до сих пор неразрешенным в современном научном знании, как в России, так и за рубежом. Еще более тонкой и, казалось бы, трудноразрешимой, выступает проблема соотношения политической и философии и политической теории.

Одним из принципиальных методологических затруднений, возникающих при определении дисциплинарного статуса политической философии в системе политических наук, является дискуссионность линий демаркации предметного поля самой политологии. Как минимум, можно выделить три основ-

ных способа интерпретации проблемы соотношения по линии «политическая наука-политическая философия».

1. Так, политическую науку можно трактовать в расширительном смысле этого термина (как комплекс наук). При таком подходе политическая философия будет выступать одним из исследовательских направлений, наряду с такими «субдисциплинами», существующими в рамках современного эпистемологического комплекса *political science*, как, например, «политическая компаративистика», «политическая лингвистика», «политическая транзитология», «политическая психология», «политическая элитология» и проч. Неудивительно, в этой связи, что в современном западном научном дискурсе не фигурирует понятие «философия политики», только *political philosophy*. При таком подходе «политическая философия» выступает одной из составляющих политического знания в целом.

2. Предметное поле политической науки можно трактовать в строго сциентистском смысле слова, иными словами, в узком смысле как знание исключительно эмпирическое. В таком случае, политическая философия будет выступать не наукой политической, но наукой философской, при этом, являться фундаментом, глубинным уровнем научного знания. «Давая философскую поддержку политической науке и тесно взаимодействуя с ней, политическая философия остается все же в первую очередь органической частью философского знания, в то время как политическая наука — политического» [17, с. 15].

Б. Г. Капустин отмечает: «рефлексивность политической философии отличает ее и от политической науки. Последняя “позитивна” (в гегелевском смысле) по определению. Ее компетенция — описание того, как функционируют механизмы и процедуры принятия решений и разрешения конфликтов, определенных в общих чертах заложенными основаниями. Такое позитивное описание политических технологий, разумеется, имеет право на существование. Более того, оно необходимо политической философии как тот материал, в отношении которого она осуществляет свою критическую рефлексию. Без сопротивления этого материала политическая философия может быть лишь никчемным “романтическим фантазерством”. Но и политическая наука без сопряжения с политической философией утрачивает характер знания о человеческих делах,

поскольку последние определяются вопросом “зачем?”, т. е. вопросом о смыслах, не в меньшей мере, чем вопросом “как?”, т. е. вопросом о технологиях. Объемное, осмысленное и практически значимое знание о мире политического возникает, таким образом, только в “дуге напряжения” между политической наукой и политической философией» [2, с. 12]. Приведем также мнение Т. А. Алексеевой: «политология, собственно, и зародилась в качестве стремления понять и описать то, *как дела обстоят в действительности (курсив авт.)* Тем не менее, необходим был стержень, вокруг которого мог бы быть организован эмпирический материал, сгруппированы факты, определен язык описания. В качестве такого стержня и выступает политический идеал. Благодаря этому возник единый эпистемологический комплекс, включающий в себя политическую науку или политологию (описание конкретных политических практик и институтов), политическую философию (рассуждения о природе политического, о целях и основаниях бытия человеческих сообществ, об идеалах политической организации), политическую этику, политическую психологию» [3, с. 24].

И. И. Кравченко поясняет, что «если мы обращаемся к какому-либо политическому объекту, то существующие три уровня политического знания открывают специфический аспект исследования. Такое разделение труда определяется интересами, целями и возможностями исследователя. Так, например, проблема свободы предстает для политолога-теоретика комплексом конкретных свобод — слова, совести, собраний и др. Эмпирик-политолог будет исследовать, как эти свободы реализуются в тех или иных конкретных условиях. Философ же отнесется к свободе как к условию самого человеческого политического существования в самом общем и идеальном смысле» [1].

Фундаментальный характер политической философии подтверждает и Т. А. Алексеева: «философско-теоретическая интерпретация политики есть, по-видимому, высшая форма политического знания, открывающая такие стороны познания, которые зачастую не лежат на поверхности и поэтому оказываются вне сферы внимания или интересов политиков-практиков, да и ученых других политологических специальностей. Иными словами, политическая философия абстрагируется от эмпирического знания, но вечно возвращается к нему,

питается им и одновременно воздействует на него. Однако подчеркнем еще раз: разделение на две области знания отнюдь не означает непреодолимой пропасти между ними» [3, с. 27].

Таким образом, второй подход, не противопоставляя политическую науку и политическую философию, ориентирует на разграничение сферы компетенций согласно трем уровням познания, бытующим в любой науке: эмпирический, теоретический и философский (микроуровень, мезоуровень и метауровень). В науку может войти теория, описывающая эмпирическую действительность, но в знание в полном смысле она превращается лишь тогда, когда все ее понятия получают онтологическую и гносеологическую интерпретацию. Это и есть философские основания той или иной науки, для науки политической такую роль исполняет философия политическая.

3. Позитивистский подход. При таком подходе политическая наука и политическая философия выступают антагонистами. За политической наукой, так же как и в рамках второго подхода, признается самостоятельный статус, но абсолютизируется ее значение. Политическая наука трактуется как знание научное, а политическая философия — как вненаучное и даже антинаучное. При таком видении, политическая философия и политическая наука существуют параллельно, не оказывая влияния друг на друга. На наш взгляд, это один из самых контрпродуктивных подходов, до сих пор бытующих в научном знании. При указанном ракурсе, политическая философия и наука оказываются отгороженными непреодолимой стеной на основе оппозиции фактического и ценностного знания, знания о существующем и о должном. Нейтральность ученого противопоставляется предвзятости философа, объективность познания выставляется против субъективного мнения, рациональность против авторских мифологий, полезность и эвристичность науки противопоставляется бесполезности и бессмысленности философии. «Политическая философия и политическая наука (политология) различаются и с точки зрения выбора предмета исследования. Первая рассматривает главным образом антиномии (рациональное и иррациональное, равенство и неравенство, справедливость и несправедливость, и т. д.). Необходимость философского осмысления возникает как следствие неудовлетворительного или противоречивого

характера общественных взглядов на коренные вопросы политического развития. Что касается политологии, то она обращена к политическому процессу, партиям и движениям, методам функционирования политических институтов и т. д. Коль скоро политика, по определению, призвана быть рациональной, иной не может быть и политическая наука. Философия же, в отличие от нее, рассматривает в рамках своего предмета и иррациональность, имманентную политической жизни. Политические философы пытаются выявлять причинно-следственные связи, их задача — отвечать не только на вопрос “что”, но и на вопрос “почему”» [17, с. 12]. В итоге, политические философы далеко не всегда признают в качестве операциональных любые взгляды, высказываемые политологами, а последние, в свою очередь, воздерживаются от комментариев по поводу обязательной легитимности утверждений должностования. Философы предпочитают не анализировать все гипотезы относительно политических процессов в реальной действительности (в данном месте и в конкретное время), а опираться на общеизвестные факты политической жизни.

Однако это противопоставление эмпирического и нормативного подходов является скорее наиболее распространенной, но отнюдь не общепринятой точкой зрения. Р. Пеннок считает, например, что при подобном взгляде искажается картина реальной действительности [18, с. 4] Более того, «ультрапозитивистская» оценка политико-философского знания смещалась от центра к периферии начиная со второй половины XX столетия, после того, как сама методология позитивизма начинает переживать кризис своих оснований. «Сегодня можно с полным правом зафиксировать поворот исследователей политики в сторону политической философии. Это не означает, что традиционный интерес к научной стороне дела в политическом познании исчезает. Скорее речь идет о том, что вместе с этим поворотом можно констатировать серьезную методологическую перестройку всего политического познания. Речь идет не только о смене господствующих на предыдущем этапе научных парадигм, а о новом прочтении роли методологии в политике. Критическое осмысление методологического кризиса в политической науке и возврат к политической философии позволили поставить методологическую проблематику в плос-

кость решения вопроса о сути политического. Методология оказалась не только инструментом конструирования научных понятий, но и самого политического мира. В этом соотношении политическая философия и наука переходят от конфронтации к взаимовлиянию» [19, с. 214]. Тем не менее, такая радикальная дискредитация политической философии и ее значения для современной науки и практики встречается и сегодня, особенно в среде российских политологов. Однако нам такой подход видится деструктивным, не просто потому, что в меняющемся мире критерии научности меняются и расширяются, но и потому, что совершенно некорректно антагонистически противопоставлять теорию и практику, поскольку теория без практики безжизненна, но и практика без теории бессмысленна. С этим положением согласна О. Ф. Русакова: «...не целесообразно, на наш взгляд, проводить дифференциацию предметов философии политики и политической философии, исходя из оппозиций “внешнее/внутреннее”, “знание академическое — знание практическое”. Любой профессиональный политолог, будь то научный работник, политический аналитик, эксперт, консультант, политический технолог, не может специализироваться исключительно только на вопросах теории или на политических технологиях. И то и другое является весьма важным как для политолога-исследователя, так и для политолога-технолога. Оптимальный вариант — научиться теоретически анализировать политические реалии и практически работать внутри живой политической практики, уметь смотреть на политическую жизнь как с позиции абстрактно-теоретических, так и практически-прикладных. Что касается политической философии, то она всегда обращала свое внимание не только на проблемы сугубо теоретического плана, но и на вопросы жизненно важные с точки зрения практического политического выбора, способов достижения определенных политических целей. Она всегда обращала свои взоры не только на политические процессы и институты, но также на человека как деятельного существа, способного формировать новую политическую реальность. Для современной политической философии проблема активности человека — одна из центральных и злободневных в контексте быстро меняющегося политического мира» [5].

Другой известный российский политолог, Т. А. Алексеева, также подчеркивает взаимопроникновение и неразрывность различных уровней знания: «политическая философия предполагает рассмотрение актуальных политических проблем на нескольких уровнях анализа, при сохранении определенной независимости от превратностей политической практики. Политический философ, как правило, воздерживается от попыток непосредственного воздействия на политическую жизнь (и тем более от “хождения во власть”). Иными словами, философ абстрагируется от эмпирического знания, но вечно возвращается к этому знанию, питается им и одновременно воздействует на него. Этот вечный кругооборот спасает теорию политики и саму политику от двух угроз, ежеминутно их подстерегающих: с одной стороны, от механического наложения на политическую реальность неких абстракций, выведенных в принципиально иных исторических, социальных и культурных обстоятельствах; с другой стороны — от опасности мелкотравчатой рефлексии, не позволяющей вырваться из цепких объятий текущих событий и поверхностных возмущений» [17, с. 22].

Как известно, нет ничего практичнее хорошей теории. Более того, политическая философия имеет рельефно выраженную практическую ориентацию, как ни странно! А именно: каково качество рефлексии политических процессов, таково и качество политической практики.

Т. А. Алексеева указывает непосредственно, что политическая философия является практичным знанием (*usable knowledge*) [20]. «Широко распространившийся дилетантизм в политике требует упрощения знания, легко откликается на всевозможные слоганы и клише, коверкает понятия и агрессивно не приемлет высокой абстракции и достаточно сложного научного языка, подменяя его “новоязом”. Все должно быть просто, доступно, понятно той самой “кухарке”, применимо здесь и сейчас, а главное — легко продаваемо на рынке услуг. Между тем, это глубокое заблуждение. Нисколько ни умаляя значения всевозможных курсов по PR, GR, политическому менеджменту и другим прикладным дисциплинам, все же подчеркнем, что прежде чем что-то прикладывать, следует иметь то, что прикладывать, а именно: навыки политического, в том

числе абстрактного мышления, умение опираться на опыт прошлого идти дальше, не ограничиваясь копированием чужих образцов, разработанных в применении к другому обществу и другим условиям. Сформировать же “то, что прикладывают”, может только политическая философия с ее мысленными экспериментами, культурой научного диалога, умением не ограничиваться только дескриптивным описанием, часто идти вопреки устоявшимся представлениям, т. е. быть “неудобным” и “непослушным”» [20, с. 56]. О глубинном значении уникального, недетерминированного мышления, но иными словами, свидетельствовал интеллектуально экстравагантный А. М. Пятигорский: «...я думаю, что сама свобода реализуется в полном освобождении, только не от служб безопасности и не от карательных органов, а от шаблона вульгарного политического мышления, из которого 90 процентов “политически мыслящего” населения не может выйти» [16, с. 55], — говорил известный российский философ.

По этой причине, два первые подхода по вопросу соотношения политической философии и политической науки можно признать научно оправданными, а вот в научной обоснованности третьему (позитивистскому), как ни странно, придется отказать. Поскольку, стремясь избавиться от ценностной и смысловой «ангажированности», позитивизм отчаянно наступая на те же самые грабли. Позитивистские цитадели создают значительно бóльшую (с точки зрения воинственности и непримиримости) идеологическую альтернативу спекулятивной стратегии мышления.

Так, по нашему мнению, исследователи, настаивающие на антагонизме по вопросу соотношения политической философии и политической науки, являются как раз мировоззренчески ангажированными и детерминированными «просвещенческой» системой координат с присущим ей универсализмом и непримиримостью, утверждающим единственно возможный тип рациональности вопреки общенаучным трендам в сторону многообразия как типов рациональности, так и исследовательской свободы с учетом внерациональных оснований политики.

Политическая философия и политическая теория

Вопрос соотношения политической философии и теории гораздо более тонкий, чем вопрос корреляции политической науки с политической философией. Условно можно выделить два подхода.

1. Предметы политической философии и политической теории тождественны, следовательно, термины могут употребляться в качестве синонимов. Так, например, в англо-американских академических кругах ее часто называют политической теорией. В европейской традиции чаще говорят именно о политической философии, желая подчеркнуть нормативный характер философского мышления и традицию философствования. Так, по вопросу соотношения политической философии и политической теории Л. В. Сморгунов придерживается выделенного нами первого подхода. Он подчеркивает условность дифференциации политической философии и теории. «В современном политическом познании можно отметить тенденцию снятия оппозиционности между политико-философской теорией и теорией в политической науке. Хотя сохраняется статус эмпирической политической теории, однако исчезает резкая граница между уровнями теоретического политического знания — философского и научного. Конечно, различия остаются, но философия политики и политическая теория взаимодействуют и взаимодополняют друг друга. В этой связи повышается методологическое значение философии политического как выявленного горизонта смыслов различных научных концепций политики. В современном политическом знании выделяются три теоретических уровня: эмпирическая теория, нормативная теория и философская теория политики» [19, с. 227]. При этом последняя (ее Л. В. Сморгунов именует также философской политической теорией) трактуется различным образом: «(1) как интерпретативные суждения о политической жизни; (2) как локальная и объяснительная теория (американский постмодернизм); (3) как умозрительная и рефлексивная дисциплина; (4) как моральная и рекомендательная теория» [19, с. 228].

Однако, на наш взгляд, при всем сходстве двух сфер знания, между ними есть и существенные различия. Политическая теория часто включает как эмпирический, так и нормативный

подходы, и ориентируется скорее на объяснение феноменов, нежели их оценку. Политическая философия, наоборот, прежде всего, связана именно с оценкой фактов и явлений, то есть, неотделима от ценностного измерения», поэтому нам в большей степени импонирует второй подход.

2. Предметы политической философии и политической теории дифференцируются. Как поясняет О. Ф. Русакова, основное отличие политической философии от политической теории следует искать в «разнице исследовательских стратегий» [5]. Политическая философия нацелена, прежде всего, на выработку идей, которые формируют мировоззренческую картину политического мира. Политические теории и концепции рассматриваются ею с позиции определенной системы ценностей, идеалов и норм. Политическая же теория занимается главным образом теоретическим моделированием мира политики. О. Ф. Русакова поясняет: «здесь ситуация аналогична той, которая сложилась по вопросу о дифференциации предметов философии истории и теоретической истории. Теоретическая история интенционально стремится к максимальной деидеологизации и сциентизации своих исследовательских установок. Она нацелена прежде всего на конструирование теоретических моделей и схем исторических процессов и явлений. Ее главными аргументами выступают авторитетные научные разработки, опирающиеся на эмпирические экономические, демографические, социологические и прочие прикладные исследования. Аргументации же идеологического характера не приветствуются. Напротив, философия истории не скрывает своего родства с определенными мировоззренческими и идеологическими установками, ценностными ориентациями и верованиями» [5] и приводит два примера в качестве иллюстрации своего тезиса. «Пример первый: концепция исторической динамики, представленная в трудах знаменитого французского историка XX в. Фернана Броделя, которая положила начало так называемой “структурной истории”. Данная концепция опирается на весьма обширную эмпирическую базу, касающуюся истории развития стран Средиземноморья на протяжении многих веков. Поэтому ее справедливо относят к области теоретической истории. Пример второй: представленные в целой серии работ критические рассуждения

известного французского историка и социолога современности Рамона Арона по поводу гегельянских и марксистских концепций развития исторического процесса. Данное творчество вполне можно отнести к философии истории (что, впрочем, делает и сам автор критики), поскольку анализ идей производится не только с теоретических, но и с мировоззренческих позиций» [5].

Можно привести не один подобный пример, следуя данной логике. Так, В. О. Ключевский — историк, а Н. Я. Данилевский или Л. Гумилев — философы истории (которые анализируют исторический процесс исходя из разделяемых ими мировоззренческих позиций).

О. Ф. Русакова также подчеркивает, что помимо данного обстоятельства «...при наличии общего объекта исследования — мира политики — указанные дисциплины прибегают к различным дискурсам. Дискурс политической философии апеллирует не только к человеческому разуму, но и к социальным чувствам, включая чувство социальной справедливости, чувство социального признания, социального доверия. Данный дискурс не всегда строг в своих понятиях. Он оперирует не столько системами категорий, сколько идеями, концептами, образами. В определенной степени дискурс политической философии близок дискурсу литературного творчества. Он является значительно более авторским, т. е. более субъективным, чем дискурс политической теории. Политическая философия в силу своей идейно-эмоциональной насыщенности часто становится мировоззренческой базой для тех или иных политических движений и практик, которые, в свою очередь, формируют социальный заказ на ту или иную философско-политическую доктрину. В случае своей жесткой прагматической ориентации политическая философия приобретает черты политической идеологии. Распространенным является также такое явление, когда та или иная политическая идеология (либерализм, консерватизм, анархизм, коммунизм, социал-демократизм, шовинизм, расизм, этнонационализм и др.) или политическое движение рассматривает в качестве своих идейных истоков творчество политических философов. В таких случаях политическая философия также превращается в определенную разновидность политической идеологии» [5].

Сразу отметим, что идеологические интенции политической философии вовсе не умаляют значения ее идейного содержания как для политической теории, так и для политической практики. Та же О. Ф. Русакова указывает, что, напротив, именно «идеологичность политической философии, представленная в виде системы убедительных аргументов и образов, придает ей характер интеллектуального импульса для новых теоретических исканий и практических политических действий» [5].

Кроме того, «политическая философия не только разрабатывает и анализирует общие нормативные принципы и критерии ответов на моральные вопросы в политике, но и предполагает описание того, какие именно институты (и как) должны претворять в жизнь морально оправданный политический порядок. Иными словами, задача политической философии в данном плане заключается в разработке и развитии общих нормативных критериев и принципов, отвечающих на фундаментальные вопросы политической морали» [17, с. 23].

Какого бы подхода по вопросу соотношения политической философии, теории и науки ни придерживался тот или иной ученый, несомненным остается факт о том, что единственной и единой для всех, общезначимой и необходимой политической философии нет и не может быть. Поскольку мыслим мы политику, как и любой другой предмет сквозь призму *своего* сознания. Иными словами, политическая рефлексия не бывает «как таковой», «рефлексией вообще». Она всегда «моя», «твоя», «чья-либо», то есть осуществляется сквозь призму человеческого сознания, которое уникально по определению. Таким образом, политическая рефлексия — это объект политической философии, объект, как известно, обретает свою жизнь, конкретизируется, осуществляется в предмете. Так, предметом политической философии в строгом смысле будут основные понятия политической рефлексии (политическая философия всегда индивидуальна). У «меня» — одни установки и «понятия», у «тебя» — иные, ибо мы, как мыслящие субъекты, творя свой собственный, авторский политико-философский миф, исходим из разных парадигмальных оснований.

1.4. Проблемное поле политико-философских исследований: зарубежный и отечественный опыт

Проблемное поле политико-философских исследований: зарубежный опыт

Прежде чем говорить о современном состоянии проблемы, осуществим краткий экскурс в историю политической мысли.

Две с половиной тысячи лет насчитывает философия политики, однако, до начала XX века её статус не был определен. Достаточно вспомнить имена Платона, Аристотеля, Макиавелли, Канта, Гегеля, Ницше... Политическое, политика как бытие и реальность, осмысление политики в дихотомии сущего и должного была одним из предметов их вопрошания. Однако номинально роль философии политики играли философия государства, философия права, этика. Приведем мнение одного из ученых современности, Б. Г. Капустина, который утверждает, что вплоть до XIX века политической философии как таковой не существовало, она была одной из сторон моральной философии (этики). Поэтому перед нами встает принципиальный вопрос, касательно истории политической философии: не является ли эта отрасль знания гораздо более современной, чем это принято считать? Выступает ли политическая философия в качестве явления достаточно современного? Более того, Б. Г. Капустин ставит интереснейшую проблему, рассуждая о том, что политическая философия существует там, где мораль бездействует. Все вышесказанное, однако, не означает, что Платон, Аристотель, Макиавелли, Фома Аквинский и прочие философы прошлых эпох не были политическими философами. Они, по крайней мере, себя так не именовали... Так, политико-философские построения мыслителей прошлого всегда были частью их общей концепции, философии. Одним словом, занимались они философией по преимуществу. Мы же говорим о политической философии как о самостоятельной дисциплине в современном смысле этого термина, о политической философии как научном концепте. В самом деле, мы видим, что с каждым новым десятилетием политическая сфера приобретает всю большую автономию. Сравните: политология как наука институализируется только в середине XX века. Это, однако, не

свидетельствует о том, что политические явления, отношения и процессы никак не осмысливались и не исследовались ранее. Это свидетельствует не только о дальнейшей дифференциации и фрагментаризации знания (как, впрочем, и не только политического), но и обо все нарастающей автономии различных сфер современной жизни, требующей более детального и концептуального осмысления. Не исключение в этом смысле и политическая философия. Однако начинала свой путь в современных условиях XX столетия политическая философия крайне непросто.

Л. В. Сморгунув в своей статье «Политическая философия и наука: от конфронтации к взаимовлиянию» отмечает, что «политическая философия имеет более чем двухтысячелетнюю историю, но не всегда она находилась в центре философского знания. XX век — век интенсивного развития политической науки и научной философии — в целом не жаловал политическую философию. Лишь относительно недавно она стала привлекать внимание читателя и исследователя. Вплоть до 70-х годов политическая философия теснилась на периферии политического и философского знания» [19, с. 214]. Дело в том, что «на протяжении большей части XX века... в мире науки господствовал позитивизм, настаивавший на том, что научные исследования должны носить не нормативный, а исключительно эмпирический характер» [3, с. 53]. Позитивизм помимо мировоззренческого (освобождение от умозрения и метафизики) и методологического аспектов (с установкой на естественные науки) имел и социально-политическое измерение: «позитивное» знание об обществе рассматривалось в качестве основы «позитивной» политики, реорганизации общества на «научной» основе.

«В политическом познании соотношение науки и философии традиционно решалось в XX веке на основе оппозиции фактуального и ценностного знания, знания о существующем и о должном. Нейтральность ученого противопоставлялась ангажированности философа, объективность познания выставлялась против субъективного мнения, рациональность против вкуса. Попытка построить политическую науку, которая бы характеризовалась всеми атрибутами научного знания, рассматривалась как цель и способ институционализации новой

профессиональной отрасли познания. Наиболее отчетливо это проявилось в американской политической науке, которая во второй половине нашего столетия стала рассматриваться в качестве парадигмальной (образцовой) и в европейском политическом познании. Чарльз Мерриам — классик американской политической науки — в 1923 г., констатируя упадок априорных размышлений по поводу политики, которые были характерны для предыдущих столетий, говорил о возможности создания точной науки о политике, которая базировалась бы на систематическом наблюдении и строгом анализе: “Никогда не создавалось больших возможностей, чем теперь, для точного и научного познания процессов политического управления; и никогда не было большего стремления ученых к развитию объективных и аналитических методов наблюдения за этими процессами и для детального понимания природы законов, которые управляют ими и должны направлять их адаптацию и реконструкцию”» [19, с. 214]. Далее Л. В. Сморгунов указывает на то, что 40–60-е гг. явились периодом доминирования в политическом познании различных позитивистских методологий, прежде всего бихевиоризма, подчеркивая, что данный период «характеризовался стойким убеждением в возможности создания ценностно-нейтрального политического знания, основанного на принципах объективности, истинности, эмпиризма, верификации и фальсификации, строгости, обоснованности, всеобщности. Политическая философия трактовалась как знание ценностное и нормативное и была оттеснена на периферию. Политическая философия, как считали политические ученые, привносила в исследование субъективные ориентации философа, ориентировала познание на то, чтобы говорить “о должном”, а не “о фактичном”. Вместе с тем, отношение к политической философии в самой философии было так же скептическим. Оно определялось, прежде всего, господствующим представлением, идущим от аналитического направления, согласно которому философ не должен высказывать оценочных суждений. Его задача — не оценочные суждения, а установление значения понятий, аналитических истин, касающихся логических отношений между понятиями нашего языка. Что же касается оценочных (синтетических) суждений о добре, зле, справедливости, свободе и т. д., то о них нельзя сказать истин-

ные они или ложные. Научная философия занимается анализом моральных и политических суждений, но сама их не высказывает. Это — дело идеологов. Эти два обстоятельства — в политической науке и в философии — были внутренне взаимосвязаны; они характеризовали одну и ту же тенденцию — господство сциентистского менталитета. Обе тенденции характеризовались отрывом политической науки и философии от политической действительности, замыканием их на внутренних проблемах познания, которое чем дальше, тем больше ориентировалось на свои собственные интересы» [19, с. 215].

Исторически возникновение позитивизма было своеобразной реакцией на неспособность спекулятивной (умозрительной) философии решить философские проблемы, выдвигавшиеся развитием наук. Впадая в другую крайность, позитивисты вовсе отвергли теоретическую спекуляцию, умозрение как средство получения знаний, а затем и философию как таковую. Проблемы, понятия и положения прежней философии (о бытии, сущностях, причинах и т. п.), которые в силу их высокой абстрактности не могут быть ни разрешены, ни проверены посредством опыта, позитивизм объявил ложными и лишёнными смысла. Отменно на этот счет высказался С. Кьеркегор в свое время: «фантастическое философствование о фантастических сущностях». Не будучи позитивистом, он, тем не менее, именно так охарактеризовал философскую систему Г.-В.-Ф. Гегеля. Сам позитивизм претендовал на звание принципиально новой «неметафизической» («позитивной») философии, построенной по подобию эмпирических наук и являющейся их методологией. По своей сути позитивизм есть эмпиризм, в определенных отношениях доведенный до крайних логических выводов: коль скоро для него всякое знание есть эмпирическое знание в той или иной форме, то никакая спекуляция не может быть знанием. Но сам позитивизм не избежал участи прежней философии, ибо его собственные главные положения (отрицание умозрения, феноменализм и др.) оказались не поддающимися опытной проверке, и, следовательно, — «метафизическими». Так, уже в 30-е годы XX столетия в научных кругах начинает оформляться критика позитивизма, но, однако, еще в рамках парадигмы (общей доктрины позитивизма). Так, австрийскому философу и социологу К. Попперу принадлежит высказывание:

«Я похоронил позитивизм», тем не менее, сегодня его новаторские идеи вполне «работают» на тот же позитивизм только в модифицированной форме. В работе «Логика и рост научного знания» (опубликованной в 1934 году) Поппер утверждал, что рост научного знания происходит не за счет оправдания имеющихся теорий, а за счёт критики гипотез, которые предлагаются для решения новых проблем.

Итак, сама парадигма позитивизма уже в 30-е гг. начинает опровергаться методологами. Однако пищу для размышлений методологов (таких как Карл Поппер) предоставили еще ранее ученые в различных областях (З. Фрейд, А. Эйнштейн, К. Маркс и прочие ученые, стремившиеся радикально изменить наше представление об окружающем мире и о мире нашего сознания). Так, по причине стремительно меняющейся научной картины мира, к 50–60 годам мы начинаем наблюдать кризис позитивизма и как мировоззрения, и как методологии.

Что касается возрождающейся и оформляющейся политической философии, послевоенного времени, можно сказать, что существовала она в условиях борьбы с позитивизмом, помимо этого было множество внутренних проблем. Современный ученый А. В. Павлов весьма красноречиво охарактеризовал ее положение, обозначив состояние политической философии в обозначенный период в качестве «гражданской войны политической теории» [21, с. 40].

С одной стороны, именно в послевоенный период получили широкое распространение социологический позитивизм и эмпирическая социология, методы и приемы которых стали неотъемлемой частью политической науки. В 1956 году британский историк и социолог Питер Ласлет пытался обосновать мысль о смерти философской рефлексии политики (т. е. о ее необходимости в современных условиях). Он, в частности, утверждал, что развитие логического позитивизма привело к смерти нормативного и оценочного знания о политике (как сегмента, а уж тем более — фундамента академических исследований). Так, в лагере позитивистов (Питер Ласлет, Дэвид Истон, Альфред Коббан и др.) 50–60-х гг. был провозглашен упадок или даже смерть политической философии.

С другой стороны, при всей разработанности научного аппарата, позитивизм оказался неспособен охватить и раскрыть

политические феномены и процессы во всей их полноте и многообразии. Поскольку позитивизм признает единственно верными лишь те факты, которые либо экспериментально подтверждены, либо получены с помощью формально-логических или математически-формализованных методов и естественных, и точных наук. Научными признаются выводы ценностного, мировоззренческого, идеологического характера. Рассматривая государство и политические институты с точки зрения их функциональной эффективности и рациональной организации управления, представители позитивизма отводят науке самодовлеющую роль в решении важнейших социально-экономических проблем, игнорируя при этом общекультурные (чисто гуманитарные основания).

Так, показателем ослабления влияния позитивизма в политической науке стала наметившаяся уже в 50-е гг. тенденция к возрастанию внимания исследователей к политической теории и философской рефлексии. Вопреки широко распространенному мнению об упадке политико-философской рефлексии, в 50-е и 60-е гг. было опубликовано достаточно много трудов по политической философии [22]. Приведем полностью высказывание К. С. Гаджиева: «...в течение последнего поколения, — писал известный ученый, историк мысли, Квентин Скиннер, — утопические социальные философии снова не только практикуются, но и проповедаются. Марксизм возродился и процветает в почти невероятно разнообразных формах. С работами Ж. Лакана и его последователей психоанализ приобрел новую теоретическую ориентацию. Ю. Хабермас и другие члены франкфуртской школы продолжают рефлексировать на параллелях между теориями Маркса и Фрейда. Женское движение добавило всю гамму ранее игнорировавшихся идей и аргументов. Среди всей этой суматохи эмпирические и позитивистские цитадели англоязычной социальной философии оказались в опасности и подрывались следовавшими друг за другом волнами орд герменевтиков, структуралистов, постэмпириков, деконструктуралистов и т. д.». Подтверждая правоту слов Скиннера, уже на рубеже 50–60-х гг., несмотря на широкую популярность концепции о «конце идеологии», появились работы по политической философии, истории политических учений [22]. Оказалось на поверку, что слухи о конце идеологий

в современном мире изрядно преувеличены. Таким образом, «никто сегодня больше не отрицает того, что идеология жива. С середины 1960-х, равно как и сегодня, стало очевидным, что идеологическая борьба не закончилась и что она и не должна была закончиться. Более того, практика показывает, что все попытки умертвить политические идеи, объединив их под одной шапкой, всякий раз терпят неудачу. Они не приносят авторам ничего, кроме сомнительной популярности. Так, еще один профессиональный плакальщик, “певец конца” (Фукуяма), но на этот раз истории, также ошибся в своих преждевременных похоронах, провозгласив, что гомогенное либеральное государство стало единственной формой существования людей. Что ж, в итоге ему пришлось признать ошибочность своих утверждений» [21, с. 57].

Итак, в 50-е годы кризис сциентистского мировоззрения приводит:

1. с одной стороны, к возрождению интереса к философским аспектам политики;
2. с другой стороны — к попытке пересмотра научной методологии познания на основе сочетания тенденций, идущих как от науки, так и от философии.

Таким образом, в послевоенный период мы наблюдаем поворот интереса к политической философии и становление целого сегмента научного знания, но уже на новом витке.

Как отмечает Э. Сексонхаус, «в прошлое уходят позитивизм и требования верификации как единственной философской установки в социальных науках при возрождении нормативного дискурса в обществе, обеспокоенном опасностями, которые таит в себе необузданное развитие науки... Политические ученые в целом, и политические теоретики в особенности, не намерены больше некритически придерживаться обязательного различения факта и ценности, господствующего в социальных науках нескольких поколений...» [19, с. 215]. В этой связи пересмотру подверглись вопросы статуса философии политики и философа в политике (обществе), соотношения качественной и количественной методологий, роли политического знания в политике, соотношения политической науки и философской рефлексии над ее основаниями. Как результат, философия и наука открываются перед миром политическим, они

становятся чуткими к его потребностям, включаются в то, что можно обозначить либо как процесс коммуникации, либо как процесс дискурсивных практик [19, с. 216].

Кроме того, помимо кризиса позитивизма имелись и другие культурно-исторические причины возникновения (возрождения на новом витке) политической философии. Л. В. Сморгунув выделяет три базовые причины, которые выступают в качестве взаимосвязанных, а именно:

1. резкий рост уровня политической и идеологической борьбы, обусловленный такими факторами, как война во Вьетнаме, движение за гражданские права в США, распад послевоенного консенсуса.

2. контркультурное движение 60-х годов

3. новые морально-политические потребности в условиях кризиса либеральной идеологии (идей рациональности, универсализма, прогресса). Бывшие на периферии проблемы справедливости, свободы, долга, прав человека и т. д. вновь начинают разрабатываться и получают широкое признание [19, с. 217]. «Политические философы, работавшие в 50–60-е годы, прошли через ужасы второй, а некоторые и первой мировых войн, эпоху господства фашистского, нацистского и коммунистического тоталитаризма и концентрационных лагерей — и были глубоко обеспокоены жестокими и бесчеловечными тенденциями, скрытыми в европейской цивилизации. При этом, несмотря на резко отрицательное отношение к современному коммунизму, большая часть политических философов этого периода критически рассматривали и либеральную демократию. Даже те из них, кто не разделял марксистских взглядов и в целом стоял на либерально-демократических позициях, были обеспокоены асоциальным подходом либерализма к личности, неисторичным взглядом на рациональность, чрезмерной заботой о материальном благополучии, моральным субъективизмом, полной интеграцией с капитализмом и инструменталистским подходом к политике. Критически они подходили и к демократии, озабоченные той легкостью, с которой фашистам и нацистам удалось мобилизовать народные массы. Политические философы того времени высоко ценили свободное общество, однако не без оснований отказывались отождествлять его с либеральной демократией. Чтобы сознательно дистанцироваться

от последней, они называли то общество, к установлению которого стремились, “свободным”, “открытым”, “либертарным”, “гражданским”, “политическим или политически организованным”, “управляемым на основе обсуждения» [9, с. 481].

Дело обстоит таким образом, что наука и научная философия подвергаются критике изнутри и снаружи. Выдающую роль в возрождении философской рефлексии политики сыграли две основные работы. Они заранее подготовили почву для широкой критики позитивистской тенденции в философии и политическом знании. Это — статьи Лео Штрауса «Что такое политическая философия?» (1957) и Исаяи Бёрлина «Существует ли все еще политическая теория?» (1962). В статьях И. Бёрлина и Л. Штрауса основное внимание уделялось реабилитации философско-теоретического уровня политического знания. Так, Бёрлин, например, утверждал, что в политической мысли всегда существовало философское измерение, которое никакая «наука» логико-дедуктивного или эмпирического свойства не смогла бы искоренить или скрыть, так как проблемы, с которыми политическая мысль имела дело, не были ни логического, ни эмпирического свойства. «Наоборот, эти проблемы включали в себя как идеологические и философские вопросы общего плана, так и вопросы постоянно осуществляемого ценностного выбора, типа оправдания политического долга. Отсюда следовало, что политическая наука показала себя совершенно неспособной создать “теорию” практической значимости с точки зрения того, что действительно происходит в политике, или с точки зрения тех, кто персонально включен в политику» [19, с. 218]. Т. А. Алексеева указывала на то, что «Бёрлин считал, что политическая философия не только не может обойтись без ценностей, наоборот, она должна быть, прежде всего, ценностно-ориентированной» [3, с. 53]. Как мы видим, подобная установка противоречит принципам классической рациональности, а также критериям научности позитивизма.

Так, бихевиористам не удалось заменить политико-философскую рефлексию или осуществить даже менее радикальное изменение — свести ее к металингвистической системе, обеспечивающей анализ и прояснение языка, используемого при изучении политики. Приведем полностью слова Л. В. Сморгунова о том, что «...осевой проблемой политической

философии послевоенного периода является кризис либерализма, а соответственно идей рациональности, свободы, прогресса. Вновь проблематизировалась идея автономии человека: как она возможна в современном политическом мире? Абсолютная вина тоталитаризма оказалась не такой уж очевидной. Что если тотальность власти выступила ответом на поиски авторитета “бездомным” человеком, отчужденным от своей свободы в силу ее собственного дефекта? Негативная свобода (“свобода от”) приводит к терроризму. Свобода как обязанность порождает виновность человека перед другими. Так, свобода вновь актуализируется как неисчерпаемая (вечно актуальная) философская проблема...» [19, с. 219].

«По-видимому, начиная с этого периода, политическая философия обратилась к острым социальным и политическим проблемам: феминизму, загрязнению окружающей среды, ядерному противостоянию в эпоху “холодной войны”, терроризму» [3, с. 55–56], осмыслению бурного XX века, наполненного кровавыми событиями, века мировых войн и тоталитарных режимов. Джон Пассмор, известный историк философии писал: «Со смешанным чувством недоверия, смущения... философы становились членами консультативных комитетов по вопросам политики или принимали решение читать лекции в медицинских и инженерных институтах» [23, с. 10--11].

Основные представители политической философии 50–60-х годов, которые стояли у истоков формирования новой отрасли современного знания, всемерно стремились обосновать необходимость и значимость политико-философского знания не только для научного сообщества, но и всего современного послевоенного мира. Все поставленные вопросы носили не столько методологический, сколько смысложизненный, экзистенциальный характер. «Несмотря на то, что многие авторы в те годы занимались разработкой разных проблем, они были прекрасно осведомлены в том, что их научная дисциплина как таковая постоянно подвергалась критике со стороны столь разных течений, как логический позитивизм, лингвистическая философия, социология познания, бихевиоризм, экзистенциализм... В англосаксонском мире широко было распространено мнение о том, что исследования могут носить либо эмпирический, либо нормативистский характер и что

разработки традиционной политической философии относятся ко второму типу. А поскольку моральные ценности невозможно обосновать объективно, все нормативистские изыскания, включая политическую философию, в основе своей являются не более чем выражением личных предпочтений, незаконно претендующих на роль универсальных ценностей. Даже авторы, не согласные с таким позитивистским подходом, доказывали, что политическая философия не имеет общественного значения и не является необходимой, поскольку в современном западном обществе в принципе достигнуто общее согласие в отношении моральных ценностей. Короче говоря, политическая философия либо вообще невозможна, либо в ней нет никакой необходимости, либо то, и другое одновременно. Крупнейшие политические философы 50–60-х гг. отвечали на эти и другие критические выпады так, как считали необходимым, причем одни относились к ним более серьезно, чем другие, но все они сходились во мнении о том, что политическая философия не только имеет право на существование, но и является необходимым направлением научных изысканий. Эти изыскания были универсальными по масштабам и критическими по ориентации, цель их заключалась в выработке рационального понимания политической жизни, посредством определения ее основ, которые усматривались в фундаментальных человеческих способностях и потребностях (И. Берлин), человеческой природе (Л. Штраусс, Э. Вёглин и Г. Маркузе), человеческой рациональности (К. Поппер), человеческой жизненной ситуации (Х. Арендт), или тех трудностях, с которыми людям приходится сталкиваться (М. Оукшотт). Ученые, чьи имена мы перечислили, внесли неоценимый вклад в изучение фундаментальных особенностей человеческой жизни в целом и политической жизни — в частности; развенчали ложные концепции, отвергли соблазнительные, но по сути своей утопические идеологические проекты, одновременно отстаивая принцип целостности восприятия общественной жизни и вырабатывая основные параметры политических исследований. Почти все они полагали, что задача политической философии сводится в основном не столько к определению желаемого, сколько к осмыслению происходящих процессов, причем на таком высоком теоретическом уровне, который не позволяет давать практические ре-

комендации каким-либо институтам относительно политического курса. Кроме того, многие теоретики считали, что в предшествующие десятилетия позиции философии политики существенно ослабли, поскольку сильная зависимость от общеполитической доктрины, сделала ее заложницей меняющихся подходов последней» [9, с. 481].

Таким образом, каждый из них своими собственными средствами стремился обосновать автономность политической философии и доказывал, что она является не прикладной областью философии, не распространением на политическую жизнь общеполитических доктрин, развивающихся независимо от нее, но достаточно самостоятельным направлением исследований с присущими ему специфическими категориями и формами исследования.

Однако известный канадский политический философ Уилл Кимлика (автор популярной на Западе работы «Современная политическая философия» [24], опубликованной в 2002 году и переведенной на русский язык только в 2010 году) обозначает несколько иначе переломный момент, который произошел в западной политической философии во второй половине XX века и который стал началом современного этапа ее развития.

Так, отсчет времени появления современной политической философии в странах Запада Кимлика ведется с момента выхода в свет книги американского политического философа Джона Ролза «Теория справедливости» (1971 г.), которая стремительно стала настоящим бестселлером. В этой работе Ролз подверг серьезной критике англо-американский политический утилитаризм, предприняв попытку актуализации традиционных метафизических проблем и вопросов, которыми задается политическая философия.

Тем не менее, на наш взгляд, Кимлика совершенно неоправданно игнорирует период поворота исследовательского интереса к политико-философской рефлексии, осуществленного задолго до Ролза и относящегося к периоду 50–60-х гг. XX века, значение которого мы описали выше.

Таким образом, локализуя политическую философию как современную область знания, мы можем обозначить те персоналии, которые определяли в недавнем прошлом и продолжают определять в настоящем ее облик, начиная с 50-х гг. до

нынешнего времени. Так, за *последние полвека* можно условно выделить два периода развития политической философии:

1) 1950–70-е гг.;

2) 1980-е — по настоящее время.

При этом, представителей, явившимися ключевыми для первого периода, уже можно именовать «классиками» в рамках современной западной политической философии, поскольку самым плодотворным периодом существования политической философии были как раз 50-е, 60-е и 70-е гг. Эти мыслители более всего сделали для формирования политико-философского климата Западной Европы и США.

Таким образом, облик политической философии **50–60-х гг.** определили работы Майкла Оукшотта, Карла Поппера, Людвиг фон Мизеса, Эрика Фёгелина, Ханны Арендт, Лео Штрауса, Исаяи Берлина, Раймона Арона, Шелдона Уолина. Так, ведущую роль в области политической философии играли эмигранты. В фокусе интереса эпохи и ее представителей — *обоснование актуальности политической философии, защита новой исследовательской сферы перед позитивистами и другими оппонентами, осмысление трагических событий первой половины XX века — мировых войн и тоталитарных режимов и формулирование рекомендаций по претворению политических выводов в жизнь*. Многие исследователи [21] подчеркивают, что это был самый плодотворный период в истории современной политической философии.

Облик политической философии **70-х гг.** определили работы Джона Ролза, Роберта Нозика, Рональда Дворкина, Данте Джермино. В фокусе интереса — *осмысление кризиса либерализма, попытки создания новых моральных и политических теорий, попытки конструирования новых смыслов с ориентацией на междисциплинарный подход к таким сложным понятиям как справедливость, свобода и равенство*.

В 80-е годы заметно выделяются: Майкл Сэндел, Аласдер МакИнтайр, Майкл Уолцер, Джон Ганнел, Чарлз Тейлор. В фокусе исследовательского интереса — *этическая проблематика в осмыслении политических процессов и тенденций; политико-философское обоснование новых идеологий (коммунитаризма, мультикультурализма, поднимающих до сих пор бывшие на периферии проблемы общественного признания и культурного*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru